

Эрих Фромм. Выдержка из главы 1: Представители инстинктивизма (**Анатомия человеческой деструктивности**. АСТ Москва, 2006. С. 33-55).

Ниже я постараюсь доказать, что агрессия и деструктивность не являются ни биологически данными, ни спонтанно возникающими импульсами. Здесь же следует подчеркнуть, что Фрейд не столько прояснил, сколько завуалировал феномен агрессии, распространив это понятие на совершенно разные типы агрессии, и таким образом свел все эти типы к *одному-единственному* инстинкту. И поскольку Фрейд наверняка не был приверженцем бихевиоризма, мы можем предположить, что причиной тому была его склонность к дуалистическому противопоставлению двух основополагающих сил в человеке.

При разработке этой дихотомической схемы сначала возникла пара, состоящая из либидо и стремления к самосохранению; позднее эта пара трансформировалась в противопоставление инстинкта жизни инстинкту смерти. Элегантность этой концепции потребовала от Фрейда определенной жертвы: ему пришлось расположить все человеческие страсти либо на одном, либо на другом из двух полюсов и таким образом соединить вместе те черты, которые в реальности не имеют ничего общего друг с другом.

Теория агрессии Конрада Лоренца

Хотя Фрейдова теория агрессии имела и по сей день имеет определенное влияние, она все же оказалась слишком трудной, многослойной и не получила особой популярности у широкого читателя. Зато книга Конрада Лоренца «Так называемое зло» (1963) сразу после выхода в свет стала одним из бестселлеров в области социальной психологии.

Причины такой популярности очевидны. Прежде всего «Так называемое зло» написана таким же простым и ясным языком, как и более ранняя, очаровательная книга Лоренца «Кольцо царя Соломона» (1949). Легкостью изложения эта книга выгодно отличалась от всех предыдущих научных исследований и книг самого Лоренца, не говоря уже о тяжеловесных рассуждениях Фрейда об инстинкте смерти. Кроме того, сегодня его идеи

привлекают многих людей, которые предпочитают верить, что наша страсть к насилию (к ядерному противостоянию и т.д.) обусловлена биологическими факторами, не подлежащими нашему контролю, чем открыть глаза и осознать, что виною всему мы сами, вернее, созданные нами социальные, политические и экономические обстоятельства.

Согласно Лоренцу¹, человеческая агрессивность (точно так же, как и влечения у Фрейда) питается из постоянного энергетического источника и не обязательно является результатом *реакции* на некое раздражение.

Лоренц разделяет точку зрения, согласно которой специфическая энергия, необходимая для инстинктивных действий, постоянно накапливается в нервных центрах, и, когда накапливается достаточное количество этой энергии, может произойти *взрыв*, даже при полном отсутствии раздражителя. Правда, и люди и животные обычно находят возбудитель раздражения, чтобы сорвать на нем зло и тем самым освободиться от энергетической напряженности. Им нет нужды пассивно дожидаться подходящего раздражителя, они сами ищут его и даже создают соответствующие ситуации. Вслед за В. Крэйгом Лоренц называет это «поведенческой активностью». Человек создает политические партии, говорит Лоренц, чтобы обеспечить себе ситуации борьбы, в которых он может разрядиться (освободиться от излишков накопившейся энергии); но сами политические партии не являются причиной агрессии. Однако в тех случаях, когда не удается найти или создать внешний раздражитель, энергия накопившейся инстинктивной агрессивности достигает таких размеров, что сразу происходит взрыв, и инстинкт «срабатывает» *in vacuo*². «Даже самый крайний случай бессмысленного инстинктивного поведения, внешне ничем не обусловленного и не имеющего никакого объекта (своего рода бег на месте), дает нам картину таких действий, которые фотографически точно совпадают с биологически целесообразными действиями нормального живого организма, — и это является важным доказательством того, что в инстинктивных действиях

¹ Подробный и широко известный (почти классический) анализ и критику теории Лоренца (и Тинбергена) можно найти у Д.С. Лермана (1953); «Так называемое зло» критически анализируется также Л. Берковичем (1967) и К. Боулдингом (1967); интерес представляет также полемика Н. Тинбергена с Лоренцем (1968), а также сборник критических статей под ред. М.-Ф.А. Монтегю (1968а) и короткая, но острая работа Л. Айзенберга (1972).

² «В вакууме» (*лат.*), буквально — вхолостую

координация движений до мельчайших деталей запрограммирована генетически» (163, 1937: 274)³.

Итак, для Лоренца агрессия, во-первых, не является реакцией на внешние раздражители, а представляет собой собственное внутреннее напряжение, которое требует разрядки и находит выражение, невзирая на то, есть для этого подходящий внешний раздражитель или нет. *«Главная опасность инстинктов в их спонтанности»* (163, 1963: 73. Курсив мой. — Э. Ф.). Модель агрессии К. Лоренца, как и либидозную модель Фрейда, можно с полным правом назвать гидравлической моделью по аналогии с давлением воды, зажатой плотиной в закрытом водоеме (1937:270).

Можно сказать, что теория Лоренца покоится на двух фундаментальных посылах: первая — это гидравлическая модель агрессии, которая указывает на *механизм* возникновения агрессии. Вторая — идея, что агрессивность служит делу самой жизни, способствует выживанию индивида и всего вида. В общем и целом Лоренц исходит из предположения, что внутривидовая агрессия (агрессия по отношению к членам своего же вида) является функцией, служащей выживанию самого вида. Лоренц утверждает, что агрессивность играет именно такую роль, распределяя отдельных представителей одного вида на соответствующем жизненном пространстве, обеспечивая селекцию «лучших производителей» и защиту материнских особей, а также устанавливая определенную социальную иерархию (1964). Причем агрессивность может гораздо успешнее выполнять функцию сохранения вида, чем устрашения врага, которое в процессе эволюции превратилось в своего рода форму поведения, состоящую из «символических и ритуальных» угроз, которые никого не страшат и не наносят виду ни малейшего ущерба.

Однако дальше Лоренц утверждает, что инстинкт, служащий у животных сохранению вида, у человека «перерастает в гротесковую и бессмысленную форму» и «выбивает его из колеи». Агрессивность из помощника превращается в угрозу выживанию.

Лоренц, по-видимому, и сам не был полностью удовлетворен подобным истолкованием человеческой агрессивности; ему хотелось дополнить это

³ Под влиянием критики различных американских психологов и Н. Тинбергена Лоренц позднее внес поправку в эту свою посылку и признал определенную роль обучения (1965: 612—616).

объяснение аргументами, выходящими за рамки этологии. Он пишет:

«Прежде всего надо отметить, что губительная энергия агрессивного инстинкта досталась человеку *по наследству*, а сегодня она пронизывает его до мозга костей; скорее всего, эта агрессивность была обусловлена процессом внутривидового отбора, который длился многие тысячелетия (в частности, прошел через весь раннекаменный век) и оказал серьезное влияние на наших предков. Когда люди достигли такого уровня, что сумели благодаря своему оружию, одежде и социальной организации избавиться в какой-то мере от внешней угрозы погибнуть от голода, холода или диких зверей, т.е. когда эти факторы перестали выполнять свою селективную функцию, тогда, вероятно, вступила в свои права злая и жестокая внутривидовая селекция. Наиболее значимым фактором стала война между враждующими ордами людей, живущими по соседству. Война стала главной причиной формирования у людей так называемых «воинских доблестей», которые и по сей день, к сожалению, для многих людей представляют идеал, достойный подражания» (163, 1963: 67).

Такое представление о постоянной войне между «дикими» охотниками и собирателями плодов, земледельцами с момента появления «современного человека» (где-то около 40—50 тысячелетий до нашей эры) — одно из распространенных клише, которое К. Лоренц берет на вооружение, вовсе не принимая во внимание исследования, опровергающие этот стереотип⁴.

Предположение Лоренца о 40 тысячах лет организованной войны — это не что иное, как старая формула Гоббса о войне как естественном состоянии человека; у Лоренца этот аргумент служит для доказательства врожденной агрессивности человека. Из этого предположения Лоренца выводится силлогизм: человек *является* агрессивным, ибо он таковым был, а агрессивным он *был*, так как он таков *есть*.

Даже если тезис Лоренца о постоянной войне всех против всех действителен по отношению к раннему каменному веку, то все равно его генетические умозаключения вызывают сомнение. Если какая-то существенная черта приобретает преимущество при селекции, то это должно иметь серьезные основания и многократно повториться в нескольких поколениях носителей данной черты. А если учесть, что агрессивные индивиды раньше других погибают в войнах,

⁴ Вопрос об агрессивности у собирателей плодов и охотников подробно рассмотрен в главе VIII.

то очень сомнительно, что распространенность какой-либо существенной черты можно связывать с процессом естественного отбора. На самом деле частота такого наследственного фактора должна была бы скорее убывать, если рассматривать высокие потери в войне как «негативную селекцию»⁵. И действительно, плотность населения в те времена была крайне низкой и многим племенам после полного формирования *Homo sapiens* вряд ли было нужно соперничать и сражаться друг с другом за пищу и место под солнцем.

Лоренц соединил в своей теории два элемента. Первый состоит в утверждении, что звери, как и люди, наделены врожденной агрессивностью, которая способствует выживанию вида и особи. Дальше я еще покажу, опираясь на нейрофизиологические данные, что оборонительная, защитная агрессивность не спонтанна и не постоянна, а представляет собой реакцию на угрозу витальным интересам соответствующего живого существа. Второй элемент (тезис о гидравлическом характере накопившейся агрессии) помогает Лоренцу объяснить жестокие и разрушительные импульсы человека; правда, для доказательства этого предположения у него не так уж много аргументов и фактов. Как способствующая жизни, так и разрушительная агрессия подводятся под одну категорию, и единственное, что их объединяет, — это слово «агрессия». Ясность в проблему, в противоположность Лоренцу, внес Тинберген: «Человек, с одной стороны, сродни многим видам животных, особенно в том, что он ведет борьбу с представителями своего собственного вида. Но с другой стороны, среди многих тысяч биологических видов, борющихся друг с другом, только человек ведет разрушительную борьбу... Человек уникален тем, что он составляет вид массовых убийц; это единственное существо, которое не годится для своего собственного общества. Почему же это так?» (1968: 1412).

Фрейд и Лоренц: сходство и различия

Отношения между теориями Фрейда и Лоренца довольно сложные. Объединяет их гидравлическая концепция агрессивности, хотя причины последней они объясняют по-разному. В других отношениях их взгляды кажутся порой диаметрально противоположными. Фрейд выдвигал гипотезу об инстинкте разрушения, а Лоренц эту гипотезу на биологическом уровне считает совершенно

⁵ В этом вопросе я благодарен профессору Курту Хиршгорну за его указания на генетическую сторону проблемы.

неприемлемой. Ибо, с его точки зрения, агрессивный инстинкт служит делу жизни, в то время как инстинкт у Фрейда находится «на службе у смерти».

Правда, это расхождение в значительной мере утрачивает свою роль, когда Лоренц говорит об изменениях первоначально оборонительной и жизнеспособной агрессии. С помощью сложных и порой довольно сомнительных конструкций Лоренц пытается обосновать и упрочить свою гипотезу о том, что оборонительная агрессия у человека превращается в постоянно действующую и саморазвивающуюся интенцию, которая заставляет его искать и находить условия для разрядки или же ведет к взрыву, если нет возможности найти подходящий раздражитель. Отсюда следует, что, даже если в обществе с точки зрения социально-экономического устройства отсутствуют подходящие возбудители серьезных проявлений агрессии, все равно давление самого инстинкта столь сильно, что члены общества вынуждены изменять условия или же — если они к этому не готовы — дело доходит до совершенно беспричинных взрывов агрессивности. Исходя из этого, Лоренц приходит к выводу, что человека от рождения ведет по жизни жажда разрушения. То есть практические последствия этого вывода совпадают с идеями Фрейда. Правда, у Фрейда страсть к разрушению противостоит столь же сильному влечению эроса (сексуальность и жизнь вообще), в то время как для Лоренца любовь является результатом агрессивных влечений.

Фрейд и Лоренц совпадают в одном: плохо, если агрессия не может воплотиться в действие. Фрейд в ранний период своего творчества выдвинул идею о том, что вытеснение сексуальных порывов может привести к психической болезни; позднее он подвел то же самое основание и под влечение к смерти и заявил, что вытеснение агрессии, направленной вовне, ведет к болезни. Лоренц констатирует, что «вообще каждый представитель современной цивилизации страдает от недостаточной возможности проявления инстинктивно-агрессивных действий» (1963: с. 363). Оба исследователя разными путями приходят к одному и тому же представлению о человеке как о существе с постоянно возникающей агрессивно-деструктивной энергией, которая не может долго находиться под контролем. И если у животных энергия такого рода — всего лишь «так называемое зло», то у человека она превращается в настоящее зло, хотя, по Лоренцу, и не

имеет злокачественных корней.

«Доказательства» по аналогии

Черты сходства в теориях агрессии у Фрейда и Лоренца не могут скрыть фундаментальных расхождений между ними. Фрейд изучал человека. Он был любознательным и зорким наблюдателем фактического поведения людей, а также различных проявлений бессознательного. Его теория о влечении к смерти может казаться ошибочной или недостаточно завершенной и доказанной; но это никак не меняет того факта, что

Фрейд разрабатывал эту теорию в процессе постоянного изучения реальных людей. В противоположность Фрейду Лоренц изучал животных, особенно низших, и в этой области был, без сомнения, в высшей степени компетентен. Однако его понимание человека не выходит за рамки знаний среднего буржуа. Он не расширял свой кругозор в этой области ни систематическими наблюдениями, ни изучением серьезной литературы⁶. Он наивно полагал, что наблюдения за самим собой или за своими близкими знакомыми можно перенести на всех остальных людей. Но самый главный его метод — это отнюдь не самонаблюдение, а метод заключения по аналогии на материале сравнения поведения определенных животных и поведения человека.

С научной точки зрения подобные аналогии вообще не являются доказательством; они впечатляют и нравятся людям, которые любят животных. Многоплановый антропоморфизм Лоренца идет рука об руку с этими аналогиями. Однако они создают приятную иллюзию, будто человек понимает то, что чувствует животное, — и в этой иллюзии состоит главный секрет их популярности. Спрашивается, кто же не мечтал научиться говорить с рыбами, птицами и домашними животными?

Поскольку Лоренц не может напрямую доказать свою гипотезу в отношении человека и других приматов, он выдвигает несколько аргументов, которые должны усилить его позицию. Все это он проделывает в основном методом *анalogии*; он обнаруживает черты сходства между человеческим

⁶ Во всяком случае, в тот период, когда Лоренц писал свой труд «Так называемое зло», он еще вообще не читал Фрейда в подлиннике. Он нигде напрямую не ссылается на его работы, а когда упоминает его, то опирается при этом на Фрейда в интерпретации своих друзей-психоаналитиков. К сожалению, они не во всем и не всегда были правы, или же Лоренц не все у них понял правильно.

поведением и поведением изучаемых им животных и делает вывод, что способ поведения в обоих случаях обусловлен одной и той же причиной. Многие психологи критиковали этот метод. Знаменитый коллега Лоренца Н. Тинберген предупреждал о ряде опасностей, «подстерегающих исследователя, который рассуждает, опираясь на *аналогии*; особенно если для сравнения берутся физиологические явления из низшей ступени эволюции, если выводы о простейших формах поведения организмов более низкого уровня нервной организации используются для обоснования теорий о механизмах поведения высокоразвитых и сложноорганизованных структур».

Я мог бы для иллюстрации привести несколько примеров лоренцовских «доказательств по аналогии»⁷. Лоренц рассказывает о своих наблюдениях над циклидами и бразильскими перламутровыми рыбами и утверждает, что рыба не нападает на свою женскую особь в том случае, если может разрядить свой здоровый гнев на особи своего пола («переадресованная агрессия» — термин принадлежит Н. Тинбергену). И он сопровождает этот факт следующим комментарием:

«Аналогичные ситуации встречаются у людей. В старое доброе время, когда еще существовала «Дунайская империя» и еще имело место понятие и реальность «служанки», я наблюдал в доме своей старой тетушки следующую ситуацию. У нее прислуга не задерживалась больше чем 8—10 месяцев. Каждую новую служанку она регулярно хвалила, восхищалась ею и клялась, что наконец-то нашла настоящую жемчужину. В последующие месяцы ее оценки становились более трезвыми, она сначала видела мелкие недостатки, затем переходила к упрекам, а в конце названного срока видела в несчастной девушке одни только отрицательные и достойные ненависти черты — и в конце концов девушку, как правило, увольняли раньше срока и с большим скандалом. После такой разрядки старая дама готова была в следующей служанке видеть чистого ангела.

Я далек от мысли посмеяться над моей любимой и давно почившей тетушкой. Ибо совершенно идентичные процессы происходят с серьезными и в высшей степени владеющими собой мужчинами (не исключая и меня самого).

⁷ Уже в 1940 г. Лоренц обнаружил склонность к сравнению биологических и социальных феноменов (что в целом совершенно недопустимо). Это проявилось самым ярким образом в его работе (1940: 74—76), где он доказывал, что в тот момент, когда принципы естественного отбора перестают служить биологическим потребностям расы, им на смену должны прийти государственные законы.

Пример тому — лагерь военнопленных. Так называемая полярная болезнь (или экспедиционная холера) охватывает главным образом малые группы мужчин, если последние вынуждены обстоятельствами быть рядом и лишены возможности общаться с чужими людьми, не имеющими отношения к кругу друзей. Из сказанного становится ясно, что накопление агрессивности растет и становится опаснее по мере того, как члены группы узнают друг друга, начинают лучше понимать и любить... Могу заверить вас, что в такой ситуации заложены всевозможные возбудители внутривидового агрессивного поведения. Субъективно это выражается в том, что на какое-либо малейшее проявление своего лучшего друга (как он дышит, сопит и т.д.) человек может выдать такую реакцию, как если бы он получил пощечину от пьяного хулигана» (1963: 87—89).

Похоже, что Лоренцу не приходит вовсе в голову, что личный опыт его тетушки, его товарищей по плену и его собственные впечатления вовсе не обязательно доказывают общезначимость подобных реакций. Даже при объяснении поведения своей тетушки Лоренц, похоже, не думает, что вместо гидравлической интерпретации (согласно которой агрессивный потенциал нарастал, достигая своего апогея и нуждаясь в разрядке каждые восемь месяцев) можно было использовать более сложную психологическую концепцию для объяснения такого поведения.

С точки зрения психоанализа следует предположить, что тетушка была весьма нарциссической личностью, склонной использовать других людей в своих интересах. Она требовала от своей прислуги абсолютной «преданности», самоотдачи и отсутствия собственных интересов, требовала, чтобы та довольствовалась ролью твари и видела счастье в том, чтобы служить своей хозяйке. В каждой следующей служанке она видела ту, которая наконец-то будет соответствовать ее ожиданиям. После короткого «медового месяца», пока хозяйка еще не видела, что новая служанка — опять «не та, что требуется» (может быть, ввиду своих фантазий, а быть может, еще и оттого, что девушка вначале особенно старалась угодить хозяйке), вдруг тетушка просыпалась и обнаруживала, что девушка не готова играть придуманную для нее роль.

Подобный процесс пробуждения тоже требует некоторого времени. А затем тетушку посещали резкое разочарование и гнев, которые наблюдаются в каждом нарциссическом эксплуататоре в случае фрустрации. Поскольку она не осознает, что причина ее гнева в ее невозможных притязаниях, она

рационализирует свое разочарование и возлагает вину на служанку. Поскольку она не может отказаться от исполнения своего желания, она выгоняет девушку и надеется, что новая будет «как раз та, что надо». И тот же самый механизм продолжает работать до самой ее смерти либо до того момента, пока больше никто не придет к ней работать. Подобное развитие событий можно встретить не только в отношениях между рабочим и работодателем. Нередко подобным образом развиваются и семейные конфликты. И поскольку служанку выгнать легче, чем развестись, то нередко дело доходит до пожизненных сражений, в которых стороны постоянно пытаются наказать друг друга за оскорбления, которые накапливаются, и несть им числа. Речь идет здесь о специфической проблеме собственно человеческого характера, а именно о нарциссически-эксплуататорской личности, но вовсе не о проблеме накопившейся энергии инстинктов.

В главе «О типах поведения, аналогичных моральному» Лоренц выдвигает следующий тезис: «И все же тот, кто действительно улавливает эти связи, не может удержаться от нового удивления, когда видит на деле психологические механизмы, которые навязывают животным самоотверженное поведение, направленное на благо других, поведение, подобное тому, что нам, людям, предписано нравственным законом» (1963: 164).

Но как обнаружить у животного «самоотверженное» поведение? То, что описывает Лоренц, есть не что иное, как инстинктивно детерминированная модель поведения. Выражение «самоотверженный» взято вообще из человеческой психологии и имеет отношение к тому факту, что человеческое существо может забыть про самого себя (вернее было бы сказать: про свое Я), когда выше всего оказывается желание помочь другим. Но разве у гуся, рыбы или собаки есть свое Я, которое она (он) может забыть? Разве самый факт человеческого самосознания не зависит от нейрофизиологических структур, имеющих место только в человеческом мозгу? Разве само понятие самосознания не является жестко связанным именно с человеческим способом отношения к миру (хотя и имеет в основе своей определенные нейрофизиологические процессы в мозгу)? И такие вопросы возникают многократно при чтении Лоренца, когда он употребляет для описания поведения животных такие категории, как «жестокость», «грусть», «смущение».

К важнейшим и интереснейшим этологическим находкам Лоренца

относится та «связь», которая возникает между животными (на примере серых гусей) как реакция на внешнюю угрозу для всей группы. Однако его рассуждения по аналогии в отношении человеческого поведения иногда просто обескураживают:

«Дискриминационная агрессивность по отношению к чужим и союз с членами своей группы возрастают параллельно. Противопоставление "мы" и "они" создает резко отличающиеся друг от друга разнополярные общности. Перед лицом современного Китая даже США и СССР временно объединяются в одну категорию "мы". Аналогичный феномен (впрочем, с некоторыми элементами борьбы) можно наблюдать у серых гусей во время церемонии победного гоготания» (1966: 189).

Лоренц идет в своих аналогиях между поведением животных и человека еще дальше, что особенно ярко проявляется в его рассуждениях о проблеме человеческой любви и ненависти. Вот каковы его представления об этом предмете: «Личную привязанность, индивидуальную дружбу можно встретить только у животных с высокоразвитой внутривидовой агрессивностью, и эта привязанность тем сильнее, чем больше агрессивности у данного вида» (1963: 326). Ну что же, предположим, что Лоренц действительно наблюдал нечто подобное. Однако в этом месте он вдруг совершает скачок в область человеческой психологии. После того как он констатирует, что внутривидовая агрессивность на миллионы лет старше, чем личная дружба и любовь, он делает из этого следующий вывод: *«Не существует любви... без агрессивности»* (1963: 327. Курсив мой. — Э. Ф.).

Это обобщение, касающееся человеческой любви, не только не подтвержденное, но и многократно опровергаемое фактами, Лоренц дополняет суждениями о «безобразном младшем брате большой любви» по имени «ненависть»: «Она ведет себя иначе, чем обычная агрессивность, она, как и любовь, направлена на индивида (вернее, против него), и, вероятно, ее (любви) наличие является предпосылкой для ненависти» (1963: 328. Курсив мой. — Э. Ф.).

Известно утверждение: от любви до ненависти — один шаг. Однако это не совсем верно сказано; на самом деле не любовь знает такое превращение, а разрушенный нарциссизм влюбленных, т.е., точнее говоря, причиной ненависти является не-любовь (отсутствие любви). Утверждать, что ненависть имеет место

лишь там, где была любовь, — это значит привести элемент истины к полному абсурду. Угнетенный ненавидит своего угнетателя, мать — убийцу своего ребенка, а жертва пытки ненавидит своего мучителя. Так что же, эта ненависть связана с тем, что прежде там была любовь или, может быть, она все еще присутствует?

Следующее умозаключение по аналогии связано с феноменом «опьянения борьбой». Речь идет об «особой форме коллективной агрессии, которая явно отличается от простейших форм индивидуальной агрессии» (163, 1966, с. 268). Это «святой обычай», опирающийся на глубокие, генетически обусловленные модели поведения. Лоренц заверяет, что, «вне всякого сомнения, бойцовская страсть человека развилась из коллективной потребности наших дочеловеческих предков в самообороне» (1966: 270). Речь идет о коллективной радости, разделяемой всеми членами группы при виде поверженного врага.

«Каждый нормально чувствующий мужчина знает это особое субъективное переживание. Сначала это некое волнение, предчувствие победы, затем зрелище бегущего врага и «святое» восхищение при виде отступающей армии. Здесь наступает момент, когда человек забывает все и вся, он чувствует себя выше всех повседневных проблем, он слышит лишь один призыв, он готов идти на этот зов и выполнить святой долг воителя, а ведет его воля к победе. Любые препятствия, стоящие на этом пути, утрачивают свое значение, в том числе инстинктивный страх нанести ущерб своим собратьям, убить своего соплеменника. Разум умолкает, как и способность к критике, и все другие чувства, кроме коллективного воодушевления борьбой, отходят на задний план... короче, великолепно звучит украинская пословица: «Когда развеивается знамя, разум вылетает в трубу!...» (1963: 385).

Лоренц выражает «обоснованную надежду», что «первородный инстинкт можно взять под контроль моральной ответственности, однако это может быть достигнуто лишь в том случае, если мы смело признаемся, что опьянение борьбой — это генетическая инстинктивная реакция организма, автоматически отключающая все другие центры...» (1966: 271).

То, как Лоренц описывает нормальное человеческое поведение, совершенно обескураживает. Разумеется, бывает, что «человек чувствует себя правым, даже совершая жестокий поступок», или, придерживаясь психологической терминологии, многие охотно совершают дурные поступки, не

испытывая ни малейших угрызений совести. Однако с научных позиций недопустимо бездоказательно объявлять воинственность универсальным врожденным свойством «человеческой природы», а жестокости, совершаемые во время войны, объяснять первородным инстинктом борьбы на базе весьма сомнительной аналогии с рыбами и птицами.

Фактически индивиды и группы сильно отличаются друг от друга в проявлениях жестокости, даже когда их натравливают на представителей другой группы. Во время Первой мировой войны британская пропаганда распространяла легенды о зверствах немецких солдат по отношению к бельгийским младенцам, ибо на самом деле было мало фактов жестокости и недоставало «горючего» для разжигания ненависти к врагу. У немцев же было мало сообщений о жестокостях противника по той простой причине, что их и впрямь было мало. Даже во время Второй мировой войны, несмотря на общий рост жестокости в мире, зверские поступки в целом ограничивались особой средой — нацистами. В среднем регулярные армейские части с обеих сторон не совершали военных преступлений в тех масштабах, которые следовало бы ожидать согласно теории Лоренца. То, что он называет зверским поведением, связано с садистским, вампирским типом личности. Его «опьянение борьбой» — не что иное, как эмоционально примитивный национализм. Утверждать, что готовность совершать жестокости, «когда развеивается знамя», и объявлять эту готовность врожденной чертой человека — это классический прием защиты при обвинении в нарушении принципов Женевской конвенции. И хотя я совершенно уверен, что сам Лоренц не имел намерений защищать жестокость, все равно его теоретический аргумент оказывает практическую услугу такой защите. А его метод мешает пониманию структуры личности, индивидуальных и общественных условий и причин возникновения и развития преступности.

Лоренц идет еще дальше, утверждая, что без бойцовского азарта (этого «автономного человеческого инстинкта») были бы «невозможны ни наука, ни искусство, ни любые другие грандиозные человеческие свершения» (1963: 388). Как это возможно? Ведь сам Лоренц называет главным условием проявления этого инстинкта «наличие внешней опасности, объединяющей людей в группу» (1966: 272). Разве есть хоть один пример, подтверждающий, что искусство и наука процветают лишь там, где существует угроза нападения извне?

Объяснение Лоренцом причин любви к ближнему есть также смесь

инстинктивизма с утилитаризмом. Человек спасает друга, ибо тот уже не раз спасал его самого... да еще и потому, что так поступали его предки еще в период палеолита... — все это звучит настолько легковесно, что избавляет нас от комментариев.

О войне: итог концепции Лоренца

В результате анализа агрессивного инстинкта у человека Лоренц приходит к выводу, весьма близкому размышлениям Фрейда, высказанным им в письме к Эйнштейну, на тему «Почему война?» (1933). Ни один человек не может почувствовать радость, узнав, что войны неизбежны, что искоренить войну в принципе невозможно, ибо она является следствием врожденно-инстинктивного поведения. И если Фрейда можно назвать «пацифистом» в широком смысле слова, то Лоренца вряд ли можно зачислить в этот разряд, хотя он и понимает, что ядерная война — это катастрофа небывалого масштаба. Он ищет средства, чтобы помочь обществу избежать трагических последствий агрессивного инстинкта: на самом деле в ядерный век Лоренц фактически вынужден искать возможности сохранения мира, коль скоро стремится сделать приемлемой свою теорию о врожденной человеческой деструктивности. Некоторые его предложения похожи на фрейдовские, но все же разница очень велика. Фрейд выдвигает свои предложения с большой долей скепсиса и скромности, Лоренц же заявляет: «В отличие от Фауста, я знаю способ и могу научить людей, как изменить себя в лучшую сторону. И мне кажется, что я здесь не преувеличиваю своих возможностей...» (1963: 393).

Если бы под этим заявлением были серьезные основания, то заслуги Лоренца и впрямь было бы трудно переоценить. Однако его советы не идут дальше широко известных штампов типа «простых предостережений об опасности полной дезинтеграции, которая грозит обществу, если в нем будут функционировать неправильные модели социального поведения».

1. Первая совершенно очевидная рекомендация состоит в том, чтобы... «познать самого себя». Под этим Лоренц понимает «требование углубить свои знания о причинных связях нашего собственного поведения», то есть о законах эволюции (1963: 374). Одним из главных звеньев в этой цепи, с точки зрения Лоренца, является «объективно-психологическое изучение возможностей перенесения агрессии с первоначально избранного объекта на эрзац-объект»

(1963: 394).

2. Второй путь — это исследование так называемой сублимации методом психоанализа (1963: 394).

3. «...Личное знакомство между людьми различных национальностей и партий» (1963: 399).

4. Четвертое и, вероятно, важнейшее мероприятие, «проведение которого не терпит отлагательства...», — это самокритичное и благоразумное овладение теми страстями, которые в предыдущей главе мы называли «опьянением борьбой» или «воинственным азартом»; это означает, что «необходимо помочь молодежи... найти подлинные цели, ради которых стоит жить в современном мире» (1963: 401).

Рассмотрим внимательно каждый пункт этой программы. Классическую формулу «Познай самого себя» Лоренц применяет неправильно, причем не только в плане греческого смысла этой формулы, но и в плане употребления этого понятия Фрейдом, который всю свою науку и практическую психотерапию строит на принципе самопознания.

Для Фрейда понятие самопознания означает, что человек осознает то, что существует на бессознательном уровне; и это крайне трудный процесс, ибо человек при этом встречает огромное сопротивление, которое мешает осознать неосознанное. Самопознание в смысле Фрейда — это не только интеллектуальный, но одновременно и аффективный процесс, как его понимал еще Спиноза. Это познание, которое осуществляется не только с помощью разума, но и с помощью сердца. Познать самого себя означает интеллектуально и эмоционально проникнуть в самые потаенные уголки своей души. Это процесс, который может длиться годы, а то и целую жизнь (когда речь идет о душевнобольном, который серьезно хочет избавиться от своего недуга и стать самим собой). Исцеление проявляется в усилении энергии, которая высвобождается, когда у человека исчезает необходимость тратить силы на вытеснение; поэтому человек пробуждается и высвобождается по мере того, как он глубже проникает в свою субъективную реальность. В противоположность этому взгляду Лоренц понимает под «познанием самого себя» нечто совершенно иное, а именно *теоретическое* знание о фактах эволюции и особенно об инстинктивных корнях агрессивности.

Пожалуй, Лоренцово понимание самопознания скорее можно сравнить с

фрейдовской теорией о влечении к смерти. Если следовать аргументации Лоренца, то практика психоанализа полностью исчерпывается чтением собрания сочинений Фрейда. Невольно приходит на ум поговорка Маркса о том, что того, кто упал в воду, не умея плавать, не спасет знание законов гравитации. «Чтение рецептов никого не излечит», — гласит китайская мудрость.

Свой второй рецепт о сублимации Лоренц даже не раскрывает. Что касается третьего «требования личного знакомства представителей различных партий и национальностей», то сам Лоренц признает, что в этой формуле почти все очевидно, ибо даже любые авиакомпании в своей рекламе объявляют о том, что международные рейсы служат делу мира. К сожалению, представление о том, что личное знакомство выполняет функцию снижения агрессивности, не получило подтверждения. Гораздо больше примеров обратного. Англичане и немцы довольно хорошо были знакомы до 1914 г., но когда началась война, обе нации были охвачены безмерной ненавистью.

Есть еще одно убедительное доказательство. Ни одна война, как известно, не вызывает больше ненависти и жестокости, чем гражданская, в которой стороны особенно хорошо знают друг друга. А разве ненависть между родственниками из одной семьи становится меньше оттого, что они отлично знают друг друга?

Трудно ожидать, что «знакомство» и «дружба» уменьшат агрессию, ибо в этом случае речь может идти лишь о самом поверхностном знании о другом человеке, т.е. о знании «объекта», наблюдаемого снаружи. Это знание не имеет ничего общего с глубинным эмпатическим проникновением в переживания другого человека, которые становятся мне понятны лишь тогда, когда я мобилизую весь свой опыт, вспоминая и сравнивая аналогичные или хотя бы мало-мальски сходные ситуации из своей жизни. Познание такого рода требует от познающего определенных усилий, чтобы он сам справился со многим вытесненным (из своего сознания) материалом; и в этом процессе постепенно реализуются новые пласты нашего бессознательного, которые раньше были помехой на пути самопознания. И если достигнуто такое понимание (которое не поддается рациональной оценке), то это ведет к снижению, а то и к полному устранению агрессивности; это зависит от того, насколько удалось данному субъекту преодолеть свою собственную неуверенность, жадность и нарциссизм, а

вовсе не от максимального количества информации о других людях⁸.

Последнее место в программе из четырех пунктов занимает предложение о «новой направленности опьянения борьбой (бойцовского азарта)». Особое место среди его рекомендаций занимает спорт. Никто не отрицает того факта, что спортивная борьба может вызвать слишком серьезную агрессивность. Недавно мы имели возможность убедиться в этом, когда во время международного футбольного матча в Латинской Америке взрыв эмоций привел к вспышке настоящей войны.

И поскольку нет доказательств того, что спорт снижает агрессивность, то одновременно следует подчеркнуть и то, что мотивировка спорта необходимостью разрядки агрессивного потенциала также не имеет доказательств. То, что в спорте приводит к агрессии, — это дух соревнования и зрелищность, которая культивируется и стимулируется общей коммерциализацией спортивных мероприятий, когда главную роль играют деньги и популярность, а вовсе не гордость спортивными показателями. Многие видные наблюдатели несчастных Олимпийских игр 1972 г. в Мюнхене утверждают, что эти Игры были не столько проявлением доброй воли и миролюбия, сколько способствовали росту национализма и соревновательной агрессивности⁹.

Достаточно процитировать еще некоторые высказывания Лоренца о войне и мире, чтобы убедиться в непоследовательности и двойственности его позиции. Например, он говорит: «Допустим, я люблю свою родину (это так и есть на самом деле) и что я испытываю неодолимую враждебность по отношению к другой стране (что на самом деле мне совсем не свойственно), все равно я не смог

⁸ Возникает один интересный вопрос: почему гражданские войны и впрямь полны жестокостей и почему они будят значительно больше разрушительных импульсов, чем межнациональные войны? Вряд ли стоит пытаться искать причину в том, что, как правило, никто (по крайней мере в современных межнациональных конфликтах) не преследует цель уничтожить врага. Цель таких войн ограничена: заставить противника принять такие условия мирного договора, которые наносят ему ущерб, но ни в коей мере не угрожают жизни народов побежденной страны. (Трудно сыскать более убедительную иллюстрацию, чем тот факт, что Германия, потерпев фиаско в двух мировых войнах, после каждого поражения подымалась и расцветала пуще прежнего.) Исключение из правила составляют войны, целью которых является физическое уничтожение или порабощение всего населения другой державы (такие войны, мы знаем, можно найти у римлян, но отнюдь не все войны были такими). В гражданской войне противники имеют целью если не физическое, то по меньшей мере экономическое, социальное и политическое уничтожение. Если такая гипотеза верна, то это означает, что степень деструктивности в целом зависит от серьезности угрозы.

⁹ Особенно очевидной становится нелепость лоренцовских идей о переориентации «бойцовского азарта», когда читаешь классическую работу Уильяма Джеймса «Моральные эквиваленты войны» (140, 1911).

бы *всем сердцем* желать ее уничтожения, *если бы* я представил себе, что в этой стране живут люди, которые увлечены естественными науками, или те, кто чтут Чарлза Дарвина и пропагандируют его открытия, или другие, которые, как и я, обожают искусство Микеланджело и "Фауста" Гете, или те, кто разделяют мое восхищение коралловыми рифами и другими объектами природы. Я не смогу вызвать в себе *безграничную* ненависть к врагу, если узнаю, что его ценностные ориентации в области культуры и морали совпадают с моими собственными привязанностями и вкусами» (1966: 292. Курсив мой. — Э. Ф.).

Лоренц вводит такое странное ограничение для разрушительности и ненависти, обозначив его словами «всем сердцем» или «безграничность». Тогда возникает вопрос: а разве бывает иное желание разрушить целую страну или, может быть, бывает «ограниченная» ненависть? Еще важнее то, что условие, при котором он отказывается от разрушения другой страны, состоит в том, что там живут люди с такими же, как у Лоренца, вкусами и привязанностями... А то, что речь идет просто о живых людях, которые могут погибнуть, — этого недостаточно. Иначе говоря: полное уничтожение противника нежелательно лишь тогда, когда и поскольку тот принадлежит к одной и той же культуре, что и Конрад Лоренц, и разделяет его интересы.

Суть и характер этих заявлений несколько не меняются от того, что Лоренц требует «гуманистического воспитания», т.е. воспитания в духе максимального привития индивиду общечеловеческих ценностей и идеалов. Именно эти принципы преобладали в системе воспитания в немецких гимназиях перед Первой мировой войной, однако большая часть учителей этих гуманистических гимназий, вероятно, была значительно воинственней настроена, чем простые немцы... Однако по-настоящему оказать сопротивление войне может лишь очень радикальный гуманизм, такой, для которого главные ценности — это жизнь, человеческое достоинство и саморазвитие индивида.

Обожествление эволюции

Невозможно до конца понять позицию Лоренца, если не знать о его фанатической приверженности дарвинизму. Такая позиция не редкость в наши дни и заслуживает серьезного изучения как важный социально-психологический феномен современной культуры. Глубочайшая потребность человека в том, чтобы избавиться от чувства одиночества и заброшенности, прежде находила

удовлетворение в идее Бога, который создал этот мир и заботится о каждом отдельном существе. Когда эволюционная теория разрушила образ Бога как высшего творца, одновременно утратила силу и вера в Бога как всемогущего отца (хотя многие сумели сохранить веру в Бога наряду с признанием теории Дарвина). Однако для тех, у кого вера в Царство Божие пошатнулась, сохранилась потребность в какой-либо богоподобной фигуре. И некоторые из них провозгласили в качестве нового бога эволюцию, а Дарвина объявили ее пророком. Для Лоренца — и не только для него — идея эволюции стала ядром целой системы ценностных ориентации. Дарвин открыл для него окончательную истину в вопросе о происхождении человека. Все явления, связанные с экономическими, религиозными, этическими или политическими обстоятельствами человеческого бытия, отныне объяснялись исключительно с позиций теории происхождения видов.

Квазирелигиозное отношение к дарвинизму проявляется и в выражении «великие конструкторы», которым Лоренц обозначает естественный отбор и изменчивость (1963: 20). Он говорит о методах и целях этих «великих конструкторов» точно так же, как христианин говорит о творениях Господа Бога; употребляемое единственное число «великий конструктор» еще больше усиливает аналогию с Богом. Самое яркое свидетельство идолопоклонства в мышлении Лоренца мы обнаруживаем в последнем разделе его книги «Так называемое зло»:

«Союз личной любви и дружбы, на котором основано наше социальное устройство, возникает на том этапе развития родового строя, когда нужно было ограничить агрессивность и обеспечить мирное сосуществование двух и более индивидов. Новые жизненные условия современного человечества, бесспорно, заставляют искать новые механизмы, препятствующие агрессивности всех против всех. Именно отсюда выводится естественное, чуть ли не природой заложенное требование братской любви человека ко всем людям. Это требование не ново, разумом мы понимаем его необходимость, сердцем ощущаем его красоту, *но все же мы не в силах, выполнить его*, так уж устроен человек. Он может испытывать полноценное чувство любви и дружбы только к отдельным людям, и самая сильная и добрая воля ничего тут не может изменить! И все же великий *конструктор* может это. Я *верю*, что он это сделает, ибо я *верю* в мощь человеческого разума, я *верю* в силу естественного отбора, и я *верю*, что разумная селекция совершается разумом. Я *верю*, что в

недалеком будущем наши потомки обретут способность для исполнения этого величайшего и благороднейшего требования (1963: 412. Курсив мой. — Э. Ф.).

Великий конструктор свершит то, что не сумели сделать ни Бог, ни человек. Заповедь братской любви не может быть реализована, пока ее не пробудит к новой жизни великий конструктор. Абзац заканчивается настоящим признанием: я верю, я верю, я верю...

Социальный и моральный дарвинизм¹⁰ в творчестве Лоренца имеет тенденцию к вуалированию истинных причин человеческой агрессивности — биологических, психологических и социальных. В этом состоит фундаментальное расхождение между Лоренцом и Фрейдом. Фрейд был последним представителем философии Просвещения. Он искренне верил в разум как единственную силу, способную спасти человека от душевного и духовного краха. Он требовал настоящего самопознания человека через раскрытие его неосознанных влечений. Обратившись к разуму, он пережил утрату Бога — и он при этом болезненно четко сознавал свои недостатки. Но он не стал искать новых богов.

Литература

- Berkowitz I. 1967. Readiness of Necessity? *Contemporary psychology* 12: 580-583.
- Boulding K.E., 1967: Review of Konrad Lorenz, *On Aggression*. *Peace and War Report*. March 1967: 15-17.
- Eisenberg L. 1972. The Human Nature of Human Nature. *Science*, 179.
- Freud S. 1940—1952 *Gesammelte Werke Bände 1-17*. London: Imago Publishing Co.; 1960 Frankfurt: S. Fischer Verlag)
- James W. 1911. *The Moral Equivalent of War*. *Memories and Studies of W. James*. New York: Longman's Green.
- Lehrmann D.S. 1953: Problems Raised by Instinct Theory, A Critique of Konrad Lorenz's Theory of Instinctive Behavior/ *Quarterly Review of Biology* 28: 337-364.
- Lorenz K. 1940. *Durch Domestikation verursachte Störungen arteigenen Verhaltens*. *Zeitschrift für angewandte Psychologie und Charakterkunde* 59: 2-81 (Leipzig: Verlag von J.A. Barth).
- Lorenz K. 1949. *Er redete mit dem Vieh, den Vögeln und den Fischen*, Wien: Dr. G. Borotha-Schoeler Verlag. [Engl.: 1952. *Kings Solomon's Ring*. New York: Crowell.

¹⁰ Религия» социал-дарвинизма — это один из опаснейших элементов в мировоззрении XX столетия. На его волне одерживают победу самые беззастенчивые варианты национализма и расизма. Если у Гитлера была хоть какая-то вера — так это была вера в законы эволюции, которые оправдывали все его жестокости.

- Lorenz K. 1963. Das sogenannte Böse. Zur Naturgeschichte der Aggression, Wien: Borotha-Schoeler Verlag.
- Lorenz K. 1965. Über tierisches und menschliches Verhalten, München: R. Piper und Co.
- Lorenz K. 1966: On Aggression, New York: Harcourt Brace Jovanovich [Deutsch: 1963. Das sogenannte Böse. Zur Naturgeschichte der Aggression, Wien: Borotha-Schoeler Verlag.
- Lorenz K., Leyhause P. 1968. Antriebe tierischen und menschlichen Verhaltens. Gesammelte Abhandlungen. München: R. Piper und Co. Verlag.
- Montagu M.F.A. 1968. The New Litany of Innate Depravity, or Original Sin Revisited. Man and Aggression: 3-18. New York: Oxford Univ. Press.

